

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

En. Иоанн (Соколов)

**О промысле Божием: Мысли из лекций,
читанных студентам XXVI курса
санкт-петербургской академии**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1876. № 5-6. С. 554-563.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА

Санкт-Петербург

2010

О промыслѣ Божіемъ: мысли покойнаго просвященаго Іоанна, епископа смоленскаго, бывшаго ректора и профессора въ нашей академіи.

(Изъ лекцій ¹⁾ читанныхъ студентамъ XXVI курса с.-петербургской академіи.)

Идея божественнаго промысла состоитъ въ томъ, что Богъ, обнимая міръ Своимъ промысломъ, не только сохраняетъ, но и направляетъ его къ известнымъ цѣлямъ. Чтобы уяснить эту идею, нужно знать, что промыслительное дѣйствіе божественное — не физическое, а нравственное, не механическое, но свободное и разумное; свободное, потому что Богъ не стѣсняется никакими вицѣшними вліяніями со стороны міра; разумное,—потому что предполагаетъ цѣль; оно не есть дѣйствіе вицѣшнее, но есть дѣйствіе внутреннее, которое раскрывается въ жизни существъ; не есть формальное, но духовное, которое даетъ духъ, силу и жизнь. Понятіе о промыслѣ соединяетъ понятіе объ умѣ, который даетъ разумную идею всему, о волѣ, которая стремится осуществить эту идею, и о силѣ, дѣйствительно осуществляющей эту идею. Но этимъ понятіемъ не исчерпывается еще вполнѣ идея промысла. Она получаетъ свою законченность въ христіанствѣ, которое придаетъ ей особый характеръ, указывая на безконечную любовь Промысла въ искушеніи, въ обновленіи человѣчества и возведеніи его къ высшимъ степенямъ совершенства. Дѣйствительность идеи божественнаго

---

¹⁾ Въ настоящую статью вошло цѣлыx четыре лекціи: значитъ запись ихъ необычайно коротка. Ред.

промысла доказать не трудно. Можно представить логической оснований для этой идеи. Прежде всего нельзя не признать, что миръ, въ цѣломъ своеимъ составѣ, долженъ выражать какую-либо идею: представить миръ безъ идеи—значитъ представить сборъ различныхъ явлений, не имѣющихъ никакого смысла. Трудно представить, чтобы и отдельное явленіе въ мирѣ лишено было идеи; тѣмъ болѣе нужно сказать это о цѣломъ мирѣ. Если миръ нельзя признать лишеннымъ идеи, то нужно признать и высшее существо, которое развиваетъ эту идею. Это тѣмъ неизбѣжнѣе, когда мы обратимъ внимание на часть мира,—человѣка. Представить себѣ человѣка безъ идеи, безъ цѣли, безъ назначенія, значитъ представить человѣчество скопищемъ безцѣльныхъ существъ. Другое, что представляется при взгляде на миръ, есть единство въ цѣломъ мірозданіи. Разсматривая миръ, мы видимъ безконечное разнообразіе въ бытіи предметовъ, видимъ разнообразіе въ частномъ бытіи и вмѣстѣ съ тѣмъ единство плана и цѣли. Необходимо признать, что это единство произошло оттуда, откуда и бытіе мира, отъ высочайшаго Существа; необходимо предположить также причину, которая сохраняетъ это единство, словомъ — бытіе промысла. Далѣе, мы замѣчаемъ въ мирѣ различныя и постоянныя кажущіяся противорѣчія: великое и малое, крѣпкое и слабое, разумное и неразумное—все это смысливается въ мирѣ, сталкивается и борется; все это поражаетъ человѣка. Здравая логика не можетъ не допустить, что въ основѣ этихъ противорѣчій должны лежать законы для соглашенія ихъ. Никакая наука противорѣчій не допускаетъ. Есть стало быть законы, которыми соглашаются эти противорѣчія; необходимо допустить источникъ, откуда происходятъ законы, соглашающіе эти противорѣчія; необходимо, чтобы эти законы происходили отъ виновника бытія мира; следовательно необходимо бытіе Промысла. Эти логическія доказательства не нужно считать только формальными: они совершенно положительны и реальны, потому что какъ въ мирѣ нравственномъ, такъ и физическомъ есть своя логика. Простому взгляду трудно примѣтить эту логику, но при взгляде, болѣе углубленномъ, нельзя не замѣтить въ явленіяхъ мира физического общенія силь и ихъ взаимодѣйствія. Пока человѣкъ не

понималъ этой міровой логики, и управлениe міромъ казалось ему смутнымъ. Въ послѣднее время наука не только не можетъ отвергнуть идеи промысла, но волею или неволею доказываетъ ее. Открывая связь между явленіями міра, она не можетъ не допустить міроуправляющаго ума. Если въ мірѣ физическомъ есть своя логика, то тѣмъ болѣе она должна имѣть мѣсто въ мірѣ человѣческомъ. И здѣсь должны быть законы. Трудно правда постигать законы міра человѣческаго. Нельзя не признать, что человѣческий умъ еще мало созрѣлъ для того, чтобы постигать законы нравственнаго міра. Уже давно были попытки проникнуть въ эти законы. Въ католичествѣ эту попытку дѣлалъ Боссюэтъ, въ протестантствѣ — Мюллеръ и оба пришли къ противоположнымъ, одинаково произвольнымъ, выводамъ. Боссюэтъ проводить идею искупленія чрезъ все человѣчество и приходить къ папству; Мюллеръ — къ реформаціи. Но нѣть ничего несправедливѣе, какъ на основаніи однихъ круиныхъ выдающихся явленій приходить къ общимъ заключеніямъ, особенно въ мірѣ нравственномъ. Здѣсь все имѣетъ связь. Каждая отдельная личность имѣетъ значеніе и связь съ общимъ. Каждый человѣкъ имѣетъ свою долю значенія; оттого повидимому малыя обстоятельства ведутъ иногда къ широкимъ послѣдствіямъ. Довольно для примѣра указать, что исторія 30-ти лѣтней войны произошла вслѣдствіе ссоры двухъ женщинъ; причиною восточной войны полагается оскорблѣніе святыхъ мѣстъ, но эта причина не первоначальная: первоначальная причина — ссора русскаго консула съ іерусалимскимъ пашей. Никакое ничтожное событие въ человѣческомъ мірѣ не остается безъ послѣдствій. Если бы мы могли разложить исторію человѣчества, подобно химику, на ея составные части, то увидѣли бы, что тутъ самая мелкая явленія играютъ весьма важную роль и что между всѣми явленіями есть неразрывная связь. А если такъ, то долженъ же быть умъ, который управляетъ исторіею человѣчества, даетъ ей идею; должна быть воля, которая стремится осуществить эту идею; должна быть сила, дѣйствительно осуществляющая ее.

Мы сказали, что въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, есть связь между причинами и дѣйствіями; слѣдовав-

тельно есть законы. Какие это законы, этого определить во всѣхъ частностяхъ нельзя, потому что наблюденія падъ нравственнымъ міромъ слишкомъ еще отрывочны. Тѣмъ не менѣе о законахъ нравственного міра можно дѣлать заключенія по аналогії съ законами физического міра, такъ какъ между тѣмъ и другимъ міромъ есть связь. Задача законовъ физическихъ—развить въ себѣ то, что въ нихъ есть. Часть цѣлаго развивается здѣсь по такимъ же законамъ, какъ и цѣлое. Такъ мы видимъ, что зерно даетъ дерево, а это опять даетъ зерна, отъ которыхъ развиваются дерева. Такимъ образомъ мы находимъ, что въ природѣ имѣеть мѣсто постоянное развитіе и на этомъ основаніи заключаемъ, что общій законъ міра физического есть развитіе тѣхъ силъ и средствъ, которыя въ немъ заключаются. Подобно этому и законы нравственного міра обнаруживаются въ развитіи силъ и средствъ, которыя въ немъ заключаются; и здѣсь законъ развитія является основнымъ закономъ съ тѣмъ разлічіемъ, что въ первомъ случаѣ происходитъ дѣло механически, а во второмъ—сознательно. Слѣдовательно назначеніе міра нравственного должно состоять въ томъ, чтобы онъ въ своихъ предѣлахъ развивалъ всю массу силъ и средствъ, въ немъ заключающихся.

Въ этомъ развитіи міра нравственного есть одно явленіе, которое останавливается на себѣ вниманіе: это борьба нравственныхъ силъ. Она проявляется въ разныхъ видахъ: то какъ борьба идей и мыслей, то какъ борьба разнородныхъ нравственныхъ стремлений, или борьба добра и зла. Что это за борьба? Какая ея цѣль? Допустимъ, что эта борьба неизбѣжна, потому что сознаніе въ недѣлимыхъ не можетъ развиваться одинаково. Но оправдываетъ ли эта борьба идею Промысла? При наблюденіи поверхности міра, борьбу зла съ добромъ трудно согласить съ идею промысла; однако самій фактъ существованія этой борьбы доказываетъ, что есть Промыслъ, потому что при борьбѣ разнородныхъ стремлений нравственный міръ не могъ бы существовать, если бы не было промысла; но если этотъ міръ не уничтожился, то ясно, что есть сила, которая управляетъ этой борьбою. Правда, эта борьба иногда представляетъ странныя явленія, трудно согласимыя съ идею промысла; но прежде

всего нужно замѣтить, что эти явленія частныя, а отъ частнаго пельзя заключать къ общему. Намъ опять помогаетъ тутъ физическая природа, въ которой происходятъ иногда самыя безпорядочныя повидимому явленія, напр. бури, ураганы. Не смотря на эти беспорядки, природа физическая не гибнетъ; напротивъ кажущіеся беспорядки способствуютъ развитію цѣлаго; и новѣйшая наука указываетъ законы этихъ явленій. Это помогаетъ намъ и въ разясненіи беспорядковъ въ мірѣ нравственному, гдѣ часто борьба вырабатывается много добрыхъ явленій. По здравому разсужденію, должна быть цѣль этой борьбы; а если есть цѣль, то эта цѣль должна быть положительно добрая; а отсюда нужно допустить, что есть умъ, есть воля, которые управляютъ этою борьбою. Тоже нужно сказать и о понятіяхъ „счастія“ и „несчастія“, которые составлены по нашемъ соображеніямъ. Какъ только известное явленіе не подходитъ подъ наши личные соображенія, мы называемъ его несчастіемъ, забывая, что мы составляемъ только часть цѣлага, что, очень можетъ быть, наше повидимому несчастіе доставляетъ счастіе тысячи недѣлимыхъ. Нужно смотрѣть на несчастіе какъ на фактъ, имѣющій свой смыслъ въ цѣломъ, и на самыя страданія нужно смотрѣть подобно тому какъ на беспорядки въ мірѣ физическомъ, т. е. какъ на явленія соответствующія известнымъ цѣлямъ. При такомъ взглѣдѣ, если не все зло, то значительная его часть окажется не зломъ, а неизбѣжностію въ цѣломъ, неизбѣжностью впрочемъ не въ гегеліанскомъ смыслѣ, не въ смыслѣ чего-то рокового, а въ смыслѣ чего то цѣлесообразно-логического, что отнюдь не исключаетъ свободы. Мы видимъ, что когда человѣкъ живетъ безъ борьбы, тогда онъ легко доходить до апатіи. Такъ бываетъ и въ обществѣ, такъ было и въ исторіи. Наблюдая надъ развитіемъ науки, мы видимъ, что научные открытия добты путемъ борьбы. Точно также и въ мірѣ нравственному лучшія нравственные понятія вырабатывались путемъ борьбы за нравственные идеалы. Разсуждалъ такимъ образомъ, мы не можемъ не сдѣлать заключенія объ управлѣніи промысла въ мірѣ нравственному. Управлѣніе это не только не унижаетъ человѣка, какъ говорятъ некоторые, но больше возвышаетъ его. Если бы представить человѣка самому себѣ, то необходимо, чтобы онъ самъ

развилъ планъ жизни а для этого нужны бы были миллионы лѣтъ; жизнь тогда была бы самая незавидная; борьба тогданичѣмъ инымъ не кончилась бы, какъ злость. Напротивъ, тутъ-то и возвышается человѣкъ, когда имъ управляетъ высочайшій умъ.

Чтобы выяснить сущность борьбы между добромъ и зломъ, нужно выяснить понятіе о добрѣ и злѣ, нужно выяснить, можно ли по понятію добра судить о злѣ, и наоборотъ. Что такое добро? Естественно, что понятіе о добрѣ нужно заимствовать изъ дѣйствительности; но такъ какъ область дѣйствительности велика и разнообразна, то намъ нужно заимствовать это понятіе изъ самой сущности бытія. Для разъясненія этого понятія мы находимъ указаніе въ божественномъ Откровеніи: *и видѣ Богъ, яко добро*—сказано въ св. Писаніи о явленії свѣта. Здѣсь свѣтъ называется добромъ, потому что свѣтъ является первымъ движениемъ жизни, что согласно и съ наукой, по которой міръ въ первоначальномъ видѣ былъ туманомъ. Такимъ образомъ свѣтъ въ этомъ отношеніи сообщаетъ намъ первоначальное понятіе о добрѣ. Точно также и въ дальнѣйшемъ твореніи міра Богъ употребляетъ название „добра“, когда означается развитіе и совершенствование жизни. Такимъ образомъ то, что служитъ къ развитію и совершенствованію жизни, и есть добро; а зло есть то, что препятствуетъ этому развитію. Далѣе: мы замѣчаемъ, что жизнь міра существуетъ и развивается не иначе, какъ поглощеніемъ одной жизни другою; такъ, напр. въ камнѣ жизни держится организованіемъ частей въ одно цѣлое, и следовательно поглощеніемъ частей, которыя могли бы существовать отдельно. Если признать, что части гранита представляютъ не что иное, какъ окаменѣлые инфузоріи, то это еще будетъ понятіе. Растеніе также живетъ поглощеніемъ другихъ жизней: оно поглощаетъ воду, воздухъ, свѣтъ и развивается только тогда, когда зародышъ стнется. Животные питаются не иначе, какъ растеніями и другими живыми существами. Въ человѣкѣ еще болѣе рѣзко обнаруживается подобное поглощеніе. Само собою разумѣется, что такое поглощеніе нельзя называть иначе, какъ смертію; следовательно, въ самой основе бытія лежитъ борьба между жизнью и смертію. Почему же міръ не устроенъ иначе? Это объясняется тѣмъ, что все въ мірѣ существуетъ взаимодѣйствіемъ, при которомъ не-

избѣжны взаимныя столкновенія и уступки; если бы не было въ мірѣ взаимодѣйствія, то не было бы и жизни, и міръ не могъ бы существовать. При этомъ необходимо, чтобы низшее развитіе служило опорою для высшаго, причомъ опять неизбѣженъ законъ поглощенія. Отсюда рождается вопросъ: есть ли зло? Разсуждая философски, нельзя допустить зла физического, потому что нельзя считать зломъ то, что составляетъ законъ. Возьмемъ какую нибудь стихію природы, напр. огонь. Огонь составляетъ одну изъ необходимыхъ стихій, но онъ иногда производить разрушительные дѣйствія. Можно ли назвать зломъ то, что огонь жжетъ? Можно ли также назвать зломъ то, что вода потопляетъ тяжесть? Что же нужно назвать зломъ? Конечно, нельзя назвать добромъ разрушительного дѣйствія стихій. Но зло заключается только въ случайныхъ явленіяхъ, а не въ сущности стихій. Огонь не будетъ разрушителенъ, когда будетъ находиться въ должныхъ границахъ. Разсуждая такимъ образомъ, мы приходимъ къ мысли, что зло, какъ случайное явленіе, не такъ ужасно, какъ если бы оно было постоянно. Но все-таки остается вопросъ: откуда же зло? Изъ тѣхъ соображеній, которыя мы изложили, вытекаетъ, что тутъ должна быть причина не физическая, а нравственная, потому что мы видѣли, что стихіи не производили бы зла, если бы поставлены были въ должныхъ границахъ. Міръ нравственный заключается въ человѣчествѣ, слѣдовательно тутъ и нужно искать разгадки борьбы, которая составляетъ зло. При этомъ является вопросъ: есть ли въ человѣкѣ зло? Философы приходили къ мысли, что зло заключается въ ограниченности. Но странно ограниченность называть зломъ; это скорѣе недостатокъ. Слѣдовательно причину зла нужно искать въ другомъ. Въ этомъ случаѣ мы, минуя физическую сторону человѣка, обратимся къ нравственной. При первомъ взглядѣ на человѣка, мы не видимъ въ немъ того механизма, который замѣчается въ прочихъ существахъ. Самое первое проявленіе жизни человѣка показываетъ, что онъ является, если не господиномъ, то съ задатками господства. Съ развитиемъ въ немъ замѣчается сила разумнаго сознанія. Въ силу этого сознанія человѣку слѣдовало бы постоянно нравственно совершенствоваться; но мы находимъ наибольшую борьбу нравственныхъ силъ тамъ, где онъ широко развиты.

Это можетъ быть объяснено тѣмъ, что здоровыя силы требуютъ большаго развитія, а при этомъ необходима борьба. Но замѣчательно то, что тутъ происходитъ разладъ. Этотъ разладъ продолжается всю жизнь человѣка, и нельзя указать момента, когда бы онъ прекращался. Борьба въ нравственномъ мірѣ представляетъ явленіе объяснимое. Но то, что эта борьба производитъ дисгармонію — это составляетъ загадку, которую одинъ отецъ церкви назвалъ непостижимымъ таинствомъ жизни. Приписывать это зло физическимъ силамъ — несправедливо; причины его слѣдуетъ искать въ свободѣ. Какимъ же образомъ свобода служитъ причиною зла т. е. препятствиемъ къ развитію? Предполагать тутъ въ человѣкѣ намѣренный выборъ зла — странно. Такимъ образомъ, какъ ни разсматривать явленіе зла въ человѣкѣ, все-таки нельзя подойти къ нему иначе, какъ чрезъ разсмотрѣніе первоначального состоянія человѣка. Откуда мы можемъ знать о первоначальномъ состояніи человѣка? Внѣ божественного источника мы ничего обѣ этомъ не можемъ знать. Но вѣйшая наука допускаетъ происхожденіе человѣка путемъ естественнаго развитія, но и она этотъ вопросъ считаетъ нерѣшоннымъ. Но вотъ нить, которая даетъ средство разрѣшить недоумѣніе. Мы сказали, что силы физическія можетъ держать въ должномъ порядкѣ только умъ. Отсюда ясно, что причина зла заключается въ самомъ человѣкѣ, когда онъ не умѣетъ пользоваться силою, или когда даетъ ей превратное направленіе; а это оттого, что человѣкъ имѣть не только связь съ міромъ физическимъ, но имѣть и влияніе на него. При этомъ влияніи возникаютъ разнохарактерныя явленія съ той и другой стороны — со стороны міра и человѣка: стоитъ только человѣку не такъ приложить сознательныя силы къ міру физическому, стоитъ только міру физическому не такъ подойти къ дѣйствію человѣка, какъ является борьба. Что за причина, которая располагаетъ человѣка къ подобному дѣйствію? Въ этомъ не всегда человѣкъ виновенъ: часто это происходитъ отъ физическихъ причинъ, заключающихся въ самомъ человѣкѣ, или въ его ограниченности. Ребенокъ, который знаетъ, что огонь жжетъ, но не знаетъ его разрушительной силы, можетъ своимъ дѣйствіемъ произвести пожаръ. Зло здѣсь въ явленіи, потому что по существу дѣла нельзѧ об-

винять огонь въ томъ, что онъ жжетъ, нельзя обвинять и ребенка. Но какъ скоро ребенокъ становится причиной зла, вслѣдствіе неразвитія, то причиной ограждающей отъ зла должно быть высшее духовное развитіе, и здѣсь такимъ образомъ дѣйствительную причину зла нужно искать въ нравственной сторонѣ человѣка, которая подлежитъ особымъ законамъ, и если бы мы могли такъ же анализировать нравственный міръ, какъ міръ физический, то мы могли бы указать эти законы.

Мы видимъ, что вліяніе человѣка на міръ физический не рѣдко сопровождается зломъ. Такъ, земля назначена для того, чтобы служить человѣку на пользу, но она иногда производить голодъ. Здѣсь человѣкъ виноватъ иногда тѣмъ, что худо ее обрабатывалъ. Животные дѣлаются врагами человѣка часто потому, что человѣкъ самъ ихъ раздражаетъ. Какія же причины побуждаютъ человѣка вліять такъ на міръ? Онъ дѣлается врагомъ міра физического, и въ свою очередь самъ дѣлается врагомъ себѣ. Разсматривая жизнь человѣка, мы видимъ, что вся она есть не что иное, какъ борьба. Нельзя указать эпохи въ жизни человѣка, когда бы онъ не слаждался миромъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Изъ законовъ міра физического видно, что борьба происходитъ вслѣдствіе нарушенія равновѣсія силъ. Мы видимъ, что преобладаніе одной силы надъ другими и въ человѣкѣ производить борьбу. Этотъ перевесъ въ крайнемъ своемъ развитіи обращается въ то, что называется страстью. Отчего происходитъ въ человѣкѣ такое нарушеніе силъ и можетъ ли человѣкъ предупредить это нарушеніе? Мы часто видимъ, что человѣкъ не можетъ владѣть собою. Это явленіе нельзя назвать иначе, какъ болѣзни. Откуда же эта болѣзнь? Если мы будемъ рассматривать человѣка въ настоящемъ его состояніи, то причины не найдемъ, потому что тутъ видимъ только послѣдствія; если мы обратимся къ предыдущимъ временамъ, то и тамъ увидимъ тоже самое; остается искать причины этой ненормальности въ началѣ бытія человѣка, или во внѣ или внутри его, но такъ какъ внѣшнія причины не могли и въ началѣ имѣть на него такого вліянія, которымъ объяснялось бы происхожденіе зла, то значитъ причины эти нравственные, заключающіяся въ самомъ человѣкѣ. Такимъ образомъ мы путемъ анализа

доходимъ до истинной причины происхожденія зла—открытой въ божеств. Откровеніи. Намъ остается теперь эти данные приложить къ идеѣ божественного Промысла. Если есть зло и оно — въ человѣкѣ, то есть ли промыслъ? При решеніи этого вопроса довольно ограничиться самою простою истиною: когда есть разстройство, есть беспорядки и эти беспорядки не сопровождаются разрушениемъ, то необходимо допустить силу, которая бы сдерживала эту борьбу. Причина этой борьбы, заключающаяся въ человѣкѣ, еще болѣе доказываетъ бытіе Промысла. Если и человѣкъ, высшее твореніе, страдаетъ, то необходимо допустить Существо самодовольное, гармоничное. Съ другой стороны странно предположить, чтобы человѣкъ брошенъ былъ на волю судьбы, тѣмъ болѣе странно, что тутъ борются силы не физическія, а духовныя, хотя и ограниченныя. Есть стало быть высшая Основа, на которой держится разумная, ограниченная сила. То, что мы называемъ смертію, само по себѣ есть чисто физическое явленіе; въ человѣкѣ смерть есть перемѣна формы бытія. Но эта смерть, уничтожающая повидимому физическое бытіе, не только не опровергаетъ бессмертія, но болѣе его доказываетъ: если бытіе физическое разлагается, то духовная жизнь должна существовать вѣчно. Если необходимо допустить такое безконечное бытіе, то необходимо допустить и высшую нравственную Силу, которая царствуетъ въ безконечномъ царствѣ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии
www.spbda.ru**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки